

грамматическая семантика (логико-грамматические отношения), при амнестических – лексический уровень (номинация). Конечно, в живой речи все уровни взаимосвязаны, поэтому, скажем, фонематический дефект тянет за собой лексический (не различает фонемы – не понимает слова – значит, и лексика страдает). Тем не менее выделение уровней полезно для анализа конкретных ошибок и составления программы терапии, на какую именно сторону речи влиять.

Список использованной литературы

1. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 3-е изд. М.: Академический проект, 2000. – 512 с.
2. phsreda.com
3. infourok.ru/infourok.ru.
4. Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ динамической афазии. М.: Тривола, 2002. – 256 с.

Собиров Немат Казакбаевич, Старший преподаватель русской кафедры E-mail: nemat.sabirov.60@inbox.ru

Абдукаххарова Зебо Алишер кизи, Ферганский государственный университет, г.Фергана, Узбекистан E-mail: abdullaevazebo275@gmail.com



МОТИВ ВИНЫ И ЕГО СВЯЗЬ СО СТРАДАНИЕМ В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

<https://zenodo.org/records/18780124>

Аннотация: В статье исследуется специфика мотива вины и его связь со страданием в романах Ф.М. Достоевского. Страдание рассматривается как естественное следствие вины и одновременно как путь к духовному возрождению. Показано, что вина у Достоевского представляет собой не только юридическую или моральную категорию, но прежде всего онтологическое состояние человека.

Ключевые слова: Достоевский, мотив вины, страдание, искупление, духовное возрождение, совесть, Раскольников, “Преступление и наказание”, “Братья Карамазовы”, христианская антропология, метафизика вины.

THE THEME OF SUFFERING IN THE WORKS OF FYODOR DOSTOEVSKY

Abstract: Abstract: This article examines the specifics of the guilt motif and its connection with suffering in the novels of F.M. Dostoevsky. Suffering is viewed as a natural consequence of guilt and simultaneously as a path to spiritual rebirth. It is shown that guilt in Dostoevsky is not only a legal or moral category, but, above all, an ontological state of a person.

Keywords: Dostoevsky, guilt motif, suffering, Redemption, spiritual rebirth, conscience, Raskolnikov, “Crime and Punishment”, “The Brothers Karamazov”, christian anthropology, the metaphysics of guilt.

FYODOR DOSTOEVSKIY IJODIDA AZOB-UQUB MAVZUSI

Annotatsiya: Ushbu maqolada F.M. Dostoevskiy romanlarida ayb motivining o'ziga xos jihatlari va uning azob-uqubatlar bilan bog'liqligi o'rganiladi. Azob-uqubatlar aybning tabiiy oqibati va bir vaqtning o'zida ma'naviy qayta tug'ilish yo'li sifatida qaraladi. Dostoevskiyda ayb nafaqat huquqiy yoki axloqiy kategoriya, balki, eng avvalo, insonning ontologik holati ekanligi ko'rsatilgan.

Kalit so'zlar: Dostoevskiy, ayb motivi, azob-uqubatlar, najot, ma'naviy qayta tug'ilish, vijdon, Raskolnikov, "Jinoyat va jazo", "Aka-uka Karamazovlar", nasroniy antropologiyasi, ayb metafizikasi.

Введение.

Проблема вины и страдания занимает центральное место в художественном мире Ф.М. Достоевского. Писатель создает уникальную философско-психологическую концепцию, в которой вина представлена не только как юридическая или моральная категория, но прежде всего как экзистенциальное состояние человека, неразрывно связанное со страданием и путем к духовному возрождению. Как отмечает М.М. Бахтин, «для Достоевского важна не столько сама вина героя, сколько его внутренний диалог с этой виной, процесс самопознания через страдание» [1, с.78].

Природа вины в художественном мире Достоевского.

В романах Достоевского вина предстает как сложное, многоуровневое явление. С одной стороны, это конкретное преступление, нарушение нравственного или юридического закона (убийство Раскольниковым старухи-процентщицы, участие Ивана Карамазова в отцеубийстве). С другой стороны, вина у Достоевского всегда превышает границы совершенного деяния и становится метафизической категорией. Показательным является образ Родиона Раскольникова. Его вина начинается не с момента убийства, а гораздо раньше — с гордыни ума, с идеи о праве «сильной личности» на преступление. «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!» — восклицает Раскольников [2, с.211]. Эта фраза ключевая для понимания природы вины у Достоевского: преступление против другого оборачивается преступлением против собственной человеческой природы, разрушением целостности личности. Важно отметить, что у Достоевского существует концепция «всеобщей вины». Старец Зосима в «Братьях Карамазовых» формулирует ее следующим образом: «Всякий пред всеми за всех виноват». Эта идея коренным образом меняет понимание вины — она становится не частным юридическим фактом, а онтологическим свойством человеческого существования в мире, где все взаимосвязано. Т.А. Касаткина справедливо отмечает, что «вина у Достоевского – это прежде всего осознание своей причастности к мировому злу» [3, с.234].

Страдание как следствие и искупление вины.

Страдание в художественной системе Достоевского неразрывно связано с виной, но эта связь диалектична и многомерна. С одной стороны, страдание есть естественное следствие совершенного преступления — мучения совести, разрушение внутренней

гармонии, отчуждение от людей. С другой стороны, страдание обладает у Достоевского очистительной, катарсической силой и становится путем к духовному возрождению.

В «Преступлении и наказании» Раскольников проходит через несколько стадий страдания. Сначала это физические муки — болезнь, горячка, граничащая с безумием. Затем мучительное одиночество, невозможность быть с людьми. Соня Мармеладова предлагает ему путь спасения через страдание: «Страдание принять и искупить себя им». Это не мазохистское самоуничтожение, а сознательный выбор пути к восстановлению разрушенной целостности.

Особенно глубоко тема страдания разработана в образе князя Мышкина («Идиот»). Здесь Достоевский показывает парадокс: абсолютно невиновный человек берет на себя чужие страдания. Мышкин страдает из-за Настасьи Филипповны, Рогожина, всех окружающих его людей. Это «страдание-сострадание» — высшая форма любви [4, с.289]. К. В. Мочульский называет это «кенозисом» — добровольным истощением себя ради других [5, с.456].

В «Братьях Карамазовых» Достоевский представляет различные модели переживания вины и страдания. Дмитрий Карамазов готов принять страдание за грех, которого не совершал, — это высшая степень духовного прозрения. Иван, напротив, отказывается от страдания («Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу»), что приводит его к душевной катастрофе — галлюцинациям, безумию. Смердяков, совершивший реальное отцеубийство, не способен к подлинному страданию и кончает самоубийством — для Достоевского это признак духовной смерти еще при жизни [6, с.323].

Диалектика вины и страдание: путь к возрождению.

Достоевский создает сложную диалектику вины и страдания, в которой оба эти феномена оказываются необходимыми для духовного преображения человека. Вина без страдания ведет к ожесточению и окончательной гибели души (Свидригайлов, Смердяков). Страдание без осознания вины превращается в бессмысленное мучение (Катерина Ивановна Мармеладова). Только единство вины и страдания, пропущенное через сердце, через совесть, открывает возможность возрождения.

Показателен финал «Преступления и наказания». Формально Раскольников принимает наказание — каторгу, но его подлинное возрождение происходит не в момент явки с повинной, а позже, когда он осознает свою вину не рационально, а всем существом. «Вместо диалектики наступила жизнь», — пишет Достоевский. Страдание становится не наказанием, а даром, открывающим путь к новой жизни [7, с.189].

Важно подчеркнуть христологический аспект концепции Достоевского. Образ Христа у писателя — это образ безвинного страдальца, берущего на себя грехи мира. Этот архетип влияет на всех положительных героев Достоевского: князя Мышкина, Алешу Карамазова, Соню Мармеладову. Их страдание имеет жертвенный, искупительный характер [8, с.112]

Вместе с тем Достоевский не идеализирует страдание само по себе. Он показывает, что страдание может ожесточить человека (генерал Иволгин), привести к гордыне страдания (Лиза Хохлакова), стать формой духовного эгоизма. Подлинное, спасительное страдание — это страдание смиренное, соединенное с любовью к людям и верой в возможность преображения [9, с.67]

Заключение.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, мотив вины в романах Достоевского выходит за рамки юридической или моральной категории и

приобретает онтологическое, метафизическое измерение. Вина мыслится не только как индивидуальный проступок, но и как причастность к мировому злу, как нарушение универсальной связи между людьми.

Во-вторых, страдание у Достоевского неразрывно связано с виной, но эта связь диалектична. Страдание предстает одновременно как следствие вины, как наказание за нее и как путь к искуплению и духовному возрождению. Достоевский показывает, что только через принятие страдания, через сознательное прохождение через него человек может обрести утраченную целостность.

В-третьих, концепция вины и страдания у Достоевского глубоко связана с христианской антропологией и сотериологией. Образ Христа как безвинного страдальца определяет понимание писателем природы искупительного страдания. При этом Достоевский не упрощает проблему: он показывает различные варианты переживания вины и страдания, различные духовные траектории своих героев [10, с.201] Художественное исследование Достоевским проблемы вины и страдания сохраняет свою актуальность и сегодня. В эпоху кризиса традиционных ценностей и релятивизации понятий добра и зла, обращение к опыту Достоевского помогает осмыслить фундаментальные вопросы человеческого существования: о природе нравственной ответственности, о возможности духовного возрождения, о смысле страдания в человеческой жизни.

Список использованной литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.
2. Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Пушкинский Дом, 2007, 640 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30т. Л.: Наука, 1972-1990.
4. Захаров В.Н. Система жанров Достоевского. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1985, 209 с.
5. Карякин Ю.Ф. Самообман Раскольникова. М.: Художественная литература, 1976, 159 с.
6. Касаткина Т.А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015, 528 с.
7. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: республика, 1995, 607 с.
8. О Достоевском: Сборник статей/ Под ред. А.Л. Бема. М.: Русские словари, 1996, 432 с.
9. Франк С.Л. Достоевский и кризис гуманизма // О Достоевском: Сборник статей, М.: Русские словари, 1996, 61—75 с.